

Непридуманные рассказы

Это, конечно, образное заключение, а фактически дело складывалось именно так: ледяным тоном предостерегали об отказе от помощи, возмущались Машиной «дубинноголовостью», требуя «соображать мозгами, а не...», и все, в конце концов, с равнодушной улыбкой уходили от ответственности...

Мария же совсем не желала чувствовать себя преступницей, но ситуация, в которую ее загоняли, требовала немедленного и разумного решения. Причем, решать должна была только она сама, не надеясь ни на чью поддержку. Младшему сыну в колбы бели — еще не было полугода, старшему два с половиной, а срок третьей беременности уже почти два месяца. Вот эта «третья», вынесенная на обсуждение семейного совета, и вызвала бурю негодования Машиных присных.

Свекровь, хотя и на пенсии, но с выработанным годами школьного директорства, крутым характером, строго обличала невестку сразу по нескольким причинам:

— Ты еще от первых двух родов не оправилась, вдруг сразу третья — ведь никакой организм этого не выдержит! А потом, как же ты справишься с тремя детьми, такой обузой, ослабленная, нездоровая? Да практически совсем одна. Гоша часто в командировках, я совсем больная, с моей гипертонией на меня даже смешно рассчитывать, имей это в виду!..

Мария принимала это к сведению, но не сжималась от страха, а только упрямо улыбалась.

Гоша (муж Георгий), по профессии геолог, вымученно улыбался и мягко переключал пра-

Не смей рожать!

Приговор вынесен и обжалованию не подлежит!..

Его можно принять безропотно, но нужно ли?! В душе отверженной жила сильная уверенность в своей невинности, но на душе «скребли кошки».

Против Марии ополчилась семья: «Хочешь рожать третьего ребенка, пеняй на себя!»

во решения на Машиную хрупкие плечи:

— Смотри сама! Справишься ли ты с такой нагрузкой?! Я, разумеется, ни к чему не призываю, но ты прекрасно знаешь, меня же месяцами не бывает дома, я часто на буровой...

«Не бывает дома!» Вот тут-то и скрывался основной мотив семейной драмы, который свекровь деликатно обошла в разговоре стороной. Но родная Машинина мама, тоже учительница, удрученная сильной печалью от неожиданного поворота дел, не стеснялась в выражениях:

— Надо быть совсем сумасшедшей, чтобы от пьяницы такого столько рожать! Опомнись, пока не поздно! Ведь я не смогу быть возле тебя в любую минуту, не брошу же я школу, в самом деле! А ты надорвешься, в конце концов. Ну, зачем, скажи, зачем тебе нужен этот третий ребенок?..

Короче говоря, ситуация складывалась самая революционная. Хотя внешне (по крайней мере, для посторонних) вроде бы все в этой интеллигентной семье складывалось терпимо, взаимоотношения не выходили за рамки приличий, не смотря на глубокие противоречия ее членов. Потому

слово «аборт» даже в самых пылких диалогах не прозвучало ни разу. Слишком грубое слово, неприятное. Но... все при этом хорошо понимали, что надо обязательно что-то предпринять, потому что избежать печальных последствий необходимо, во что бы то ни стало. А значит, это «что-то», грубое и неприятное, должно как-то само по себе разрешиться... Не доводить же до абсурда!

Но, обычно всегда покладистая, Мария неожиданно решительно восстала против семьи и как отрезала:

— Во-первых, аборт — это грех. (И кто только внушил ей это?! И не просто грех, а убийство! Во-вторых, «Бог любит Троицу»! А в-третьих, я хочу девочку!

— Ну, при чем тут Бог, и кто вообще тебе сказал, что у тебя будет именно девочка? — до возмущения изумлялись родные. Дело в том, что в провинциальном городке из Российской глубинки, в котором в 80-е годы прошлого столетия жила эта семья, никаких ультразвуковых обследований по определению пола ребенка еще не существовало.

— Я хочу девочку, значит, Господь даст мне девочку.

— Так-таки уверена в этом?! — язвили в ответ.

— Абсолютно уверена! Хочу дочку, и будет у меня дочка. Я так решила. Все. И хватит больше об этом! Ну а вы — если не хотите помогать, то и не надо. Как-нибудь, сама справлюсь. А будет трудно, Бог поможет!..

Нельзя сказать, что Маша сильно верила в Бога в своей абсолютно неверующей семье да еще в городе, где никогда не было храма. Скорее, наоборот. И потому позже, вспоминая события этих дней, свои неожиданные убеждения в семейной ссоре, она искренне удивлялась сама на себя. Окрестившись в церкви всего лишь за несколько лет до замужества, настоящей христианкой так и не стала. Конечно, она знала, что подруга в далекой столице иногда ставила за нее свечи в церкви, но большого значения этому сама Маша не придавала. А что такое вера, по сути, не понимала. Молиться, ходить в церковь — этого в Машиную жизнь никогда не бывало. Церкви в городке не было. А дети и ненадежный муж отнимали без остатка все силы и здоровье. Потому и поразила тогда Мария своим неожиданным решением всю се-

мью. Для свекрови-директора школы и матери-учительницы — чуть ли не позор на весь город: в нашей семье — верующая! Откуда такая напасть?! В растерянности все примолкли до поры.

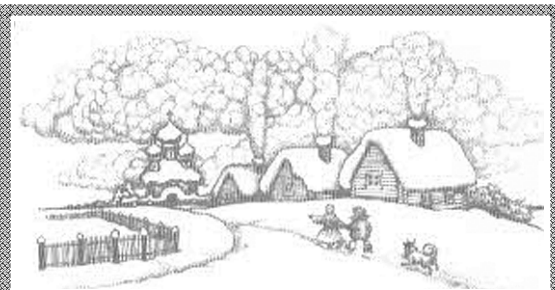
Пришел срок, и родила она на самом деле дочку. Когда глубокой ночью после тяжелых родов осталась совсем одна в холодном родильном зале, не раздумывая долго, сползла с каталки и ползла в коридор к телефону-автомату:

— Алло! Гоша, проснись, наконец, у нас родилась дочка, ты слышишь меня?.. Вот, а вы мне не хотели верить!

Ультиматумы, предъявленные родными Маше, со временем стерлись из памяти всех семейных. Маленькая Юла (Юлия) очень скоро стала безусловной любимицей всей семьи, веселый, любознательный и подвижный ребенок. Два крепких сыночка и красавица дочка незаметно подросли. И особенно теперь, оставшись с детьми совсем одна, она с радостной благодарностью вспоминает те удивительные дни, когда Таинственный Кто-то помог ей сделать единственно правильный выбор. Дочка — это ее отрада и утешение, она и усердная молитвенница, и первая помощница матери. Мария даже на секунду не представляет себе, как бы жила она без нее! Поистине, материнство — это святая радость, дар особой благодати Божией. Мария, не вкусившая полной радости от супружества, по-настоящему счастлива в детях своих. Особенно сердечно всегда благодарит Господа за милую дочку.

Феофания Сергиева

Поэтической строкой

Зимушка

**Я, рождённая белою зимушкой,
Так люблю её шаль белоснежную!
Лишь она для меня, слово матушка,
Может быть самой доброй и нежною!**

**Разрисует волшебною кисточкой
Стёкла окон, затаяет их кружком,
И душа станет чистой и искренней,
Обогретая зимними стужами.**

**Очарует пушистыми сказками,
И ресницы украсит снежинками.
Разрисует всё белыми красками,
Чтобы мир стал прекрасной картинкою.**

**Рождество нам подарит чудесное,
Все желанья исполнит заветные.
Полотно вышьет ниткой серебряной,
И под ноги нам кинет приветливо.**

**Шапки, шубки встряхнёт нам заботливо,
Рукавички оденет с оленями.
Станем добрыми и беззаботными,
Душу грея камином с поленьями.**

**Чёрный цвет будет стёрт её ластиком,
Всё плохое покроется инеем.
Каждый день будет маленьким праздником,
Пока властвует царствие зимнее.**

А. Петрова

Страницы памяти

Дети без детства

Современные родительские дети редко ценят тепло и уют отчего дома. Избалованы, не перегружены заботами, не задумываются о завтрашнем дне. Все за них делают родители. А вот у их бабушек и дедушек жизнь складывалась не так беззаботно. Сегодняшние старички когда-то сами были детьми, на долю их детства выпали горечь и совсем недетские слезки...

... Летний день был на исходе. Светило на закате ярко багровое солнце. Мама сидела на лавочке, а мы дети, на лугу играли в салки. Мне было лет десять. Увидев маму, я подбежала и села рядом. Прижавшись к ней, я почему-то спросила: «Мама, расскажи о своём детстве!» Но в ответ — молчание. Я подняла голову, вижу — мама заливается слезами. Ничего не понимая, я тоже заплакала, а мама, прижав меня к себе ещё сильнее, сказала: «У меня детства вообще не было!» И начала рассказывать.

В три года мама осталась без родителей, сестре её было лет десять, а старший брат был женат. У него было двое детей. Чтобы маму с тётёй не отправили в приют, брат забрал их к себе. Но у него была очень жестокая жена. Она на маму с тётёй получала пайки продуктов, но сиротам доставались объедки. Жена брата заставляла маму с тётёй много работать, а если они не справлялись с заданием, избивала и лишала ужина. Брату они боялись жало-

ваться, потому что жена и его обижала.

Когда тётё исполнилось 12 лет, а маме 5, они ушли работать на кулаков. Тётё сидела с детьми, а мама пасла гусей. Там их кормили, обували, одевали. Летом они жили в предбаннике, зимой в теплом чулане. Когда повзрослели, исполняли самые тяжёлые работы: стирали, пряли, вязали, ткали и за животными ухаживали. Если они не успевали задание выполнить за день, доделывали ночью.

По праздникам их отпускали в храм, они очень любили бывать на молитве. Это было единственное время, когда они могли отдохнуть. Посты мама с тётёй соблюдали с младенческих лет и до последних дней своей жизни. Для них это было свято.

Так жили они до тех пор, пока мама не вышла замуж. Когда маме и папе исполнилось по 18 лет, их познакомили. Папа тоже остался сиротой из многодетной семьи. Мама с папой поженились и повенчались, родили восьмерых детей, первые

четверо умерли в возрасте от года до трёх. Свою сестру, мою тетю, мама сразу взяла жить к себе.

Мама рано овдовела. Папа воевал, был тяжело ранен. Его комиссовали с фронта по ранению, после чего он прожил всего 1 год 5 месяцев. Когда папа умер, нас у мамы осталось четверо детей: старшему было 10 лет, второму 7, мне 4,5 года, а младшей сестрёнке 3 дня. Но мама не сломилась. Она была добрая, умная, рассудитель-

ная, внимательная к страждущим, помогала всем людям, чем могла. Да и тётёя мою маму никогда не оставляла одну с её трудностями, так они всю жизнь и прожили вместе. Тётёя замуж не вышла, умерла дочкой в 81 год. Она часто маме говорила: «Нам бы с тобой умереть в один день!» Даже перед смертью беспокоилась за маму. А я молюсь за них и прошу им обоим у Бога Царствия Небесного!

Лидия Горлова